

УДК: 821.111.0*Шек

Шестаков Вячеслав
(Москва, Россия)

Две кровати Уильяма Шекспира

Стаття є рецензією на книгу «У двох вимірах. Сучасна Британська поезія в російських перекладах», яка вийшла друком у 2009 році у московському видавництві «Новое Литературное Обозрение».

Ключові слова: переклад, перекладацький метод, Шекспір, Енн Гетвей.

Наконец, Британский Совет сделал благое дело. Под его спонсорством издана книга «В двух измерениях. Современная Британская поэзия в русских переводах» («Новое Литературное Обозрение». – М., 2009). Эта книга, как сообщает предисловие, отражает труд переводчиков из самых разнообразных регионов России. В ней содержатся переводы как начинающих, так и маститых переводчиков. Изданию книги предшествовала работа семинара, который искал, и, очевидно, нашел свою Музу в Пушкинских местах, в Михайловском заповеднике. Возглавляли работу семинара и составляли книгу М.Бородицкая и Г.Кружков, известные своими многочисленными переводами английской поэзии.

Книга эта дает представление о современной Британской поэзии и, вместе с тем, об уровне и качестве современного поэтического перевода. Правда, книгу нельзя с полным правом назвать антологией английской, и тем более Британской поэзии, в ней слишком много лакун. Например, совершенно отсутствуют имена таких поэтов, без которых невозможно представить себе современную поэтическую Англию – Руперта Брука, У.Б.Йейтса, Стивена Спендера, Джона Бетчемена. Последний – самый популярный в Англии поэт, которого знают и цитируют многие англичане. Это – поэт консервативной Англии,

возрождающий в своей поэзии старинные английские традиции, пишущий на доступные для всех темы – о спорте, архитектуре, смысле жизни и смерти. Хотя по интеллектуализму Бетчемен, несомненно, уступает более известному у нас Уистену Одену, но это, быть может, связано с именем Иосифа Бродского, прекрасно переводившего Одена.

Но книга представляет собой интерес как сборник различных, порой экспериментальных, переводов, включая многие имена малоизвестных английских поэтов, наших современников. Очень хорошо, что в сборнике даются несколько, – два, а иногда и три, – перевода одного и того же стихотворения. Таким образом можно различить ньюансы различных переводческих стилей. Хотелось бы отметить прекрасные и точные переводы мэтров перевода Г.Кружкова и М.Бородицкой (в особенности ее цикл «Сивиллы»), а также переводы М.Виноградовой, А.Беляева, Е.Тиновицкой и др.

Но наряду с этим, в сборнике встречаются переводы, которые, как нам кажется, удивительно равнодушны к переводимому тексту. В этом смысле крупно не повезло двум поэтам – Шекспиру и Одену. В особенности Шекспиру, что вызывает особое сожаление, так как шекспировская тема – самая важная в английской поэтической традиции. В сборнике присутствует замечательное стихотворение поэтессы Кэрол Даффи «Энн Хэтуэй»¹, посвященное жене

¹ **Carol Ann Daffy**

ANNE HATHAWAY

'Item I gyve unto my wife my second best bed ...'
(from Shakespeare's will)

The bad we loved in was a spinning world
of forest, castles, torchlight, clifftops, seas
where we would like to dive for pearls. My lover's word
were shooting stars which fell to earth as kisses
on these lips; my body now a softer rhyme
to his, now echo, assonance; his touch
a verb dancing in the centre of a noun.
Some nights, I dreamed he'd written me, the bed
a page beneath his writer's hands. Romance
and drama played by touch, by scent, by taste.

Уильяма Шекспира. Эпиграфом к нему служит известная фраза из завещания Шекспира, который оставляет своей жене «вторую лучшую кровать» (“my second best bed”). В свое время этот пункт завещания вызвал нарекания на Шекспира, обвинения в скаредности, в плохом отношении к жене и т.д. Но потом критика выяснила, что во времена Шекспира старая кровать считалась более дорогой и престижной, и поэтому Шекспир оставлял жене лучшее, чем он обладал.

В русском переводе Я.Фокиной² этот эпиграф получает прямо противоположный смысл: «я оставляю своей жене одну из двух кроватей – ту, что похуже». Очевидно, переводчик не знакома с историей завещания Шекспира, или она находится в явных неладах с английским языком. У Кэррол Даффи идет речь о кровати, которая наследуется вдовой поэта, и она говорит, что для нее и ее мужа эта кровать была бескрайним миром, вмещающим и леса, и замки и моря. Здесь создавались стихи, которые подымались

In the other bed, the best, our guests dozed on,
dribbling their prose. My living love –
I hold him in the casket of my widow's head
as he held me upon the next best bed.

² **Кэррол Энн Даффи**

ЭНН ХЭТУЭЙ

«Своей жене я оставляю одну из двух кроватей ту, что похуже...»
(из завещания Шекспира)

Земля была о четырех углах
и балдахине, и она плыла.
И, вынырнув с метафорой в зубах,
он погружался снова. Рифмопад
мне плечи щекотал. Упрямый ямб
он мял о небо, и анжамбеман
так долго точку ощупью искал...
Потом мне снилось, будто я – сюжет,
кровать – страница. Сочиняя роль
флюиду, привкусу, касанью – он
прислушивался к гостю – тот храпел
на лучшем ложе, а во рту балласт
ремарок пузырился... Этот лист
я расправляю сморщенной рукой,
как наволочку под его щекой.

Перевод Ю. Фокиной

до самых звезд, здесь создавалась лирика и драма, так что Энн сама чувствовала себя созданием поэта, страницей поэзии в его руках. Другая же «лучшая кровать» была ложем для гостей, где царствовала скучная проза.

Таково в прозаическом переложении содержание стихотворения. Как же переводит это стихотворение переводчик? На мой взгляд, она совершенно утрачивает смысл и сюжет оригинала. Вместо ностальгических воспоминаний жены Шекспира в переводе Я.Фокиной возникает какой-то сюрреалистический сюжет: поэт «ныряет с рифмою в зубах» (страшное зрелище), а вокруг «ямб мял о нёбо» и «ажамбеман так долго точку ощупью искал». А когда Шекспир, сочиняя поэзию, прислушивался к гостю, который спал на другой «лучшей кровати»:

*– тот храпел
на лучшем ложе, а во рту балласт
ремарок пузырился...*

Всего этого в оригинальном тексте Даффи, слава Богу, нет. Непонятно, зачем переводчик придумывает текст, который не существует. Бедный Шекспир...

Но с Оденем Я.Фокина поступает не лучшим образом. Ее переводы стихотворений Одена «Зимний Брюссель», «Эдвард Лир, «Артюр Рембо» тоже далеки от смысла и текста оригинала. В этом можно убедиться, сверив перевод «Эдварда Лира» Я.Фокиной с переводом Г.Кружкова.

Удивление вызывает и перевод М.Липкина стихотворения У.А.Фантора «Наваждение». В английском оригинале присутствует только одно слово «Wreckers» – грабители. В русском переводе появляется целых пять строк, повествующих о береговых бандитах и их методах грабить корабли. Всего этого у Фантора нет, это уже не перевод, а свободное творчество, когда переводчик становится автором, рассказывающем о своем отношении к морским пиратам. Впрочем, переводы Липкина достаточно профессиональные. Быть может только, не следовало бы в его переводе Иисусу Христу выражаться в послании к Лазарю с помощью русского сленга «кишка тонка»

(стр. 313). Все-таки, библейская лексика предпочитает возвышенные обороты речи.

Чтение сборника возвращает нас к дискуссии о двух типах переводов. Я бы их назвал «близкими к тексту» и «далекими от текста», «текстостремительными» и «текстобежными», по аналогии с понятиями «центро-стремительный» и «центробежный». Об этом говорят составители в предисловии к книге. Очевидно, оба типа перевода имеют право на существование, но только в том случае, когда они, пусть разными путями, приводят к пониманию смысла оригинала. Но создается ощущение, что в сборнике существует тенденция делать перевод текста, который вообще не существует в оригинале. Тогда «лучшая» кровать Шекспира становится «худшей».

Несмотря на критические замечания, следует признать сборник очень содержательным, свидетельствующим о глубоком интересе к современной Британской поэзии. Рекомендую читателям познакомиться с этой книгой, она подарит им большое познавательное и эстетическое удовольствие.